

СТАТЬИ

Византийский временник. Т. 105: 2021. С. 13–
VIZANTIYSKIY VREMENNİK. Vol. 105: 2021. P. 13–
ISSN 0132–3776

Научная статья

«ВОСТОЧНЫЙ» ДИСКУРС В «КРАТКИХ ИСТОРИЯХ» IV в.

Елена Александровна Семичева

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории; Белгородский государственный национальный исследовательский университет; 308009, г. Белгород, ул. Победы, 85, историко-филологический факультет; semicheva@bsu.edu.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу позднеантичных бревиариев Евтропия и Феста и выявлению специфики отношения к восточным народам в контексте завоевательной политики Рима. Автор отмечает продуктивность имагологического подхода и репрезентативность обозначенных текстов для изучения процессов конструирования и эволюции стереотипов в отношении «другого» в массовом сознании.

В статье рассматривается персональная связь бревиаристов с Востоком, а также сопоставляются структура и содержание бревиариев. Автор приводит дополнительные аргументы в пользу существующего в историографии тезиса о складывании в позднеантичном/ранневизантийском обществе относительно целостного образа Востока не только как географического, но и как культурного и ментального конструкта, и приходит к выводу, что провосточный дискурс в сочинении Феста выражен более отчетливо и коррелирует с целями и идеологической направленностью его работы.

Ключевые слова: поздняя античность, бревиарии, Руф Фест, Евтропий, Восток, дискурс

Благодарности: Автор выражает глубокую признательность М.В. Грацианскому за помощь, ценные комментарии и предложения, высказанные в процессе подготовки статьи.

Original article

THE «EASTERN» DISCOURSE IN THE *BREVIARIA* OF THE FOURTH CENTURY

Elena A. SEMICHEVA

PhD, associate professor; Lecturer, Department of World History; National Research University “Belgorod State University”; 308009, Faculty of History and Philology, 85 Pobedy st., Belgorod, Russia; semicheva@bsu.edu.ru

© Семичева Е.А., 2020

Abstract: The article is devoted to the analysis of the late antique Breviaries of Eutropius and Festus and to the specifics of the attitude towards the Eastern peoples in the context of the aggressive policy of Rome. The author notes the productivity of the imagological approach and the representativeness of the indicated texts for studying the construction and evolution of stereotypes of «other» in the mass consciousness. The article considers the personal connection of Eutropius and Festus with the East, and also compares the structure and content of the Breviaries. The author gives additional arguments to the thesis about integral image of the East not only as a geographical, but also as a cultural and mental construct, which formed in late antiquity society of this period, and comes to the conclusion that the pro-Eastern discourse in Festus's work is expressed more clearly and correlates with the goals and ideological orientation of his work.

Keywords: Late Antiquity, breviaries, Rufus Festus, Eutropius, Orient, discourse

Выраженный интерес современных исследователей поздней античности не только к масштабным историческим сочинениям, но и к компендиумам и, в частности, бревиариям, вполне оправдан. Во-первых, в зарубежной и отечественной науке вплоть до последних десятилетий тексты данного жанра воспринимались большинством исследователей как маргинальные, и потому доминировало довольно пренебрежительное отношение к ним. Показательно, например, что полный перевод «*Breviarium rerum gestarum populi Romani*» Феста¹ на русский язык отсутствует, при этом те немногие отечественные антиковеды, которые обращались к этому бревиарию, преимущественно отмечали вторичный, а, следовательно, вполне тривиальный характер содержащейся информации, зависимость от предшественников, простоту и даже бедность языка, сама же работа оценивалась как лишенная авторской концепции². «*Breviarium ab urbe condita*» Евтропия³ также воспринимался многими как типичный образец эпитомизаторской историографии IV в., исключающей оригинальное авторское видение истории. Некоторые исследователи прямо употребляли в отношении качества бревиариев и эпитом этого времени эпитеты «ничтожный»⁴, «жалкий»⁵, «блеклый»⁶.

Вместе с тем, невозможно не согласиться с уже приводимым нами ранее⁷ мнением В.И. Уколовой, отмечавшей, что «... иногда создается впечатление, что образованные люди той эпохи были заняты преимущественно «упаковкой» интеллектуального и культурного наследия предшествующей эпохи, стараясь сохранить и спрессовать как можно больше разнообразных знаний»⁸.

Вероятно, именно поэтому нехристианская историография IV в. представлена именно компиляциями, «сокращенными историями», подходы к изучению которых в последние десятилетия претерпели некоторые изменения. Наряду с

¹ The Breviarium of Festus. A Critical Edition with Historical Commentary / Ed. by J.W. Eadie. L., 1967; *Arnaud-Lindet M.-P.* Festus: Abrégé des hauts faits du peuple romain. Paris, 1994.

² Подробнее см.: *Семичева Е.А.* Бревиарий Феста в отечественной и зарубежной историографии // Научные ведомости БелГУ. 2016. Т. 15 (236). Вып. 39. С. 35–40.

³ *Eutropii Breviarium ab Urbe condita* / Ed. C. Santini. Stutgardiae, 1992; *Bird H.W.* Eutropius: Breviarium ab Urbe Condita. Liverpool, 1992.

⁴ История римской литературы / Под ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского. Т. 2. М., 1962. С. 430.

⁵ *Syme R.* Ammianus and the Historia Augusta. Oxford, 1968. P. 144.

⁶ The Breviarium of Festus. P. 10.

⁷ *Семичева Е.А.* Бревиарий Феста... С. 35.

⁸ *Уколова В.И.* Поздний Рим: пять портретов. М., 1992. С. 41.

сохранившимся интересом к персоналиям авторов, поиску и анализу источников, которые использовались при составлении сокращенных историй, а также отдельным историческим сюжетам⁹, внимание ученых концентрируется на блоке проблем, связанных со структурными особенностями текстов, их адресатами и авторскими оценками приводимых сведений¹⁰. Перспективным, на наш взгляд, выглядит исследовательский вектор, ориентированный на проблему выбора бревиаристом своих источников и самостоятельного обращения с ними, преследующего определенные цели, прежде всего, идеологической направленности¹¹. Принципиально важно, что несмотря на неоднозначную оценку полноты, качественного уровня и даже достоверности информации, содержащейся в кратких историях, у исследователей не вызывает сомнений тезис о популярности и многократном воспроизведении этих сочинений на всем пространстве позднеантичного и средневекового Запада, а также Византии¹².

Это актуализирует вопрос о читательской аудитории бревиариев, коррелирующий с целями создания работ. Очевидно, что к IV в. круг эрудированных читателей исторических сочинений значительно сужается, большинство, включая политическую элиту и самих императоров, не отличается не только широким кругозором, но даже образованностью, что отмечается уже их современниками¹³. Если более развернутая работа Евтропия вполне отвечала такому запросу и, вероятно, была ориентирована на новую знать, пришедшую из провинции и обладавшую фрагментарным знанием истории¹⁴, то вопрос о читательской аудитории еще бо-

⁹ См., напр.: *Wölfflin E.* Das Breviarium des Festus // Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik. 1904. Bd. 13. S. 69–97, 173–80; *Cameron A.* The Breviarium of Festus // Classical Review. 1969. Vol. 19. P. 305–307; *Den Boer W.* Some Minor Roman Historians. Leiden, 1972; *Blockley R.C.* Festus' Source on Julian's Persian Expedition // Classical Philology. 1973. Vol. 68. No 1. P. 54–55; *Baldwin B.* Festus the Historian // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1978. Bd. 27. P. 197–217; *Collins F.* Eutropius and the Dynastic Name Eumenes of the Pergamene Pretender Aristonicus // The Ancient World. 1981. Vol. 4. P. 39–43; *Bird H.W.* Eutropius: His Life and Career // Échos du Monde Classique. 1988. Vol. 32. P. 51–66; *Bonamente G.* Minor Latin Historians of the Fourth Century A.D. // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A.D. Leiden; Boston, 2003. P. 88–125; *Burgess R.W.* Eutropius V.C. «Magister Memoriae»? // Classical Philology. 2001. Vol. 96. No 1. P. 76–81; *Rohrbacher D.* The Historians of Late Antiquity. Routledge, 2002; *Burgess R.W.* A Common Source for Jerome, Eutropius, Festus, Ammianus, and the Epitome de Caesaribus between 358 and 378, along with Further Thoughts on the Date and Nature of the *Kaisergeschichte* // Classical philology. 2005. Vol. 100. P. 166–192.

¹⁰ См.: *Bird H.W.* Eutropius' Perspective on Roman Emperors // The Ancient History Bulletin. 1987. Vol. 6. P. 139–151; *Idem.* Eutropius and Festus: Some Reflections on the Empire and Imperial Policy in A.D. 369/370. Florilegium. 1986. Vol. 8. P. 11–22; *Grote S.* Another Look at the Breviarium of Festus // The Classical Quarterly New Series. 2011. Vol. 61. No 2. P. 704–721; *Kelly G.* The Roman World of Festus' Breviarium // Unclassical traditions. Vol. 1 (Alternatives to the Classical Past in Late Antiquity). Cambridge, 2003. P. 72–91; *Mouchová B.* Das Breviarium des Festus und seine Adressaten // Graeco-Latina Brunensia. 2009. Vol. 14. P. 143–156; *Peachin M.* The Purpose of Festus' Breviary // Mnemosyne. 1985. Vol. 38. P. 158–161; *Raimondi M.* Il Breviarium di Festo e il funzionariato cappadoce alla corte di Valente // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 2006. Bd. 55/2. P. 191–206.

¹¹ *Кареев Д.В.* Позднеримская историография перед вызовом времени: Евтропий и его «Бревиарий от основания Города». СПб., 2004.

¹² *Boer W.* Some minor Roman historians. P. 170–171.

¹³ *Кареев Д.В.* Взаимоотношения Рима и Парфии в интерпретации «малых» римских историков IV века // Вестник Ивановского госуниверситета. 2008. Вып. 3. С. 74–80 (здесь: С. 75).

¹⁴ *Momigliano A.* The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century. Oxford, 1963. P. 86.

лее краткой брошюры Феста остается открытым, поскольку сведения, содержащиеся в нем, слишком скудны и вряд ли могли бы восполнить пробелы в исторических знаниях тех, кто ими вовсе не обладал. Спектр версий, определяющих предназначение бревиария Феста, довольно широк: от исторического справочника (своего рода school book) или тенденциозного памфлета до аналитического отчета, но в любом случае, в число его адресатов входили не только представители элиты, но и неискушенные читатели, знакомство которых с предшествующей классической традицией было незначительным или вовсе отсутствовало¹⁵.

Таким образом, более востребованными и читаемыми в позднеантичном обществе становятся сокращенные истории, которые влияли на формирование у массового читателя соответствующих стереотипов в оценке процессов, событий и персоналий, в том числе иной этнической, культурной или социальной принадлежности. Сокращенный объем, а также политический заказ в конкретной исторической ситуации, в соответствии с которым составлялись бревиарии, предполагал избирательный принцип работы с историческим материалом, его структурную обработку, использование «клише» книжной традиции и своеобразную авторскую усредненность, что делает такие тексты репрезентативным источником для изучения восприятия «другого» в массовом сознании.

В этой связи продуктивно применение имагологического подхода, который, как отмечает Дж.В. Дрейверс, ориентирован на изучение предвзятых представлений относительно того или иного общества, а не того, что можно эмпирически установить об этом обществе. Акцент ставится на изучении дискурса об обществе: этнотипах, стереотипах, национальных образах или ментальном силуэте другого, описанных в текстах, а не на понимании самого общества. При этом представление об инаковости, обусловленное стереотипами и предрассудками, отражает не только образ другого, но и создателя текста и является, по сути, самореферентным¹⁶. По сути, наше представление о чужом — не простое воспроизведение чужого, но всегда — истолкование его на своем языке¹⁷. В основе значительного круга работ, связанных с изучением позднеантичных, византийских и средневековых реалий лежит аллологический подход, который предполагает изучение со-бытия человека с человеком, культур как встречи Своего и Чужого (Другого), попытки осмысления ими себя и друг друга¹⁸.

Социологические и лингвистические данные показывают, что в современном массовом сознании «Запад» и «Восток» воспринимаются преимущественно не столько как географические понятия, сколько как специфика культуры и мышления¹⁹. Истоки такого восприятия можно выделить в позднеантичных текстах.

¹⁵ Mouchová B. Das Breviarium... P. 153.

¹⁶ Drijvers J.W. Frontiers and the Space of the Other in the Res Gestae of Ammianus Marcellinus // *Historiography and Space in Late Antiquity*, Ghent 15–17 January 2015. P. 6–7. — URL: https://www.academia.edu/11982274/Frontiers_and_the_Space_of_the_Other_in_the_Res_Gestae_of_Ammianus_Marcellinus

¹⁷ Чужое: опыт преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / Отв. ред. Р.М. Шукуров. М., 1999. С. 12.

¹⁸ Арпентьева М.Р. Аллологический подход в изучении дискурса и проблема понимания в изучении другого языка // *Академический дискурс и дискурсивный подход в преподавании иностранных языков: материалы Международного круглого стола*. Минск, 2015. С. 11–15 (здесь: С. 11).

¹⁹ Петришина Е.Ю., Антонова Ю.В. Экспериментальное исследование концептов Восток и Запад // *Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика»*. 2016. Вып. 1. Т. 2. С. 431–439.

Например, уже упомянутый Дж.В. Дрейверс, полемизируя с негативной оценкой географических знаний Аммиана Марцеллина, данной еще Теодором Моммзенем, отмечает, что этногеографические экскурсы античного автора не ставили целью представить правильные сведения о топографии города, расстояниях или течении реки. Географические отступления Аммиана должны были дать представление о некоторых частях римского мира и наиболее значительных его соседях, чтобы создать и приукрасить фон для исторического повествования. По мнению Дж.В. Дрейверса, читатели Аммиана, вероятно, хотели иметь общее географическое понимание и полезный мысленный образ региона, а не точные географические описания и карты, подобные современным. В своих отступлениях Аммиан представляет географию и этнографию, которые имеют мало общего с реальностью, и придерживается вековых традиционных дискурсов, описывая мир за пределами границ как стереотипно другой²⁰. Именно как один из таких конструктов может быть представлен Восток.

С одной стороны, отношение к Востоку и восточным народам, представленное в текстах IV в. следует общей исторической традиции отображения дихотомии «свой — чужой». При этом, как отмечает Д. Бургерсдейк, в поздней античности процесс разделения мира между собственной цивилизацией и инаковостью начал приобретать универсальный аспект, когда народы из восточной части Азии вошли в состав Римской империи. «Это, — пишет автор, — по-видимому, оказало ужасающее воздействие на средиземноморских римлян, главным врагом которых долгое время была Персидская империя»²¹. Вероятно поэтому как конечную угрозу стабильности или даже существованию империи Аммиан Марцеллин представляет полчища диких варваров, кочевой мир. Создавая образ врага, которого римляне не знали прежде, он использует литературные средства, традиционные этнографические элементы, а не достоверные данные. Античный автор намеренно подчеркивает «инаковость», изображая различия и странности «чужих» в конкретных идеологических целях²².

Инаковость передается как географически, так и этнически, но определяется авторской позицией. Как отмечает В.А. Дмитриев, при всем разнообразии описаний и оценок восточных народов от резко негативных характеристик кочевников до связанной с предшествующей литературной традицией идеализации незнакомых Аммиану этносов, в «Деяниях» присутствует восприятие Востока как целостного образования. Роль своеобразной призмы восприятия Азии, лежавшей к востоку от Евфрата, играли персы, которые, по свидетельству античного автора, обладают признаками цивилизованности, особенно в сравнении с гуннами, аланами или сарацинами²³. Не исключено, что такое обобщенное представление восточных народов через персов отражает свойственную позднеантичной

²⁰ *Drijvers J.W.* *Frontiers and the Space...* P. 9.

²¹ *Burgersdijk D.* *Creating the Enemy: Ammianus Marcellinus' Double Digression on Huns and Alans (Res Gestae 31.2)* // *Bulletin of the Institute of Classical Studies.* 2016. Vol. 59. P. 111–132 (здесь: P. 112).

²² *Ibid.* P. 129.

²³ *Дмитриев В.А.* Страны и народы Востока в представлении римлян эпохи Поздней античности (по данным Аммиана Марцеллина) // *В мире научных открытий. Серия «Гуманитарные и общественные науки».* 2011. No 11.5 (23). P. 1343–1357 (здесь: С. 1343).

традиции логику характеристики единичных видовых феноменов через родовые категории²⁴.

Как и у Аммиана Марцеллина, представления о Востоке в бревиариях IV в. идеологически обусловлены. Интересен в этой связи анализ жанрового своеобразия кратких историй этого времени, предпринятый Ж.Л. Гавилье. Он считает, что эпитомы и бревиарии, как исторические субжанры, имеют центральный субъект и соответствующие ему географический и социальный центры. В качестве примера он указывает, в частности, на «Эпитомы из цезарей», характеризуя их как текст, который, отражая взгляды итальянских городских элит, в основном касается Римской империи посредством изображения войн и путешествий императоров в Италии и Иллирии²⁵.

Соответственно представляет интерес сопоставление информации о западных и восточных народах и территориях в бревиариях Евтропия и Феста. Прежде всего, следует отметить персональную связь авторов с Востоком. Биография Евтропия показывает его человеком, занимавшим высокое положение при различных императорах от Констанция II (337–361) до Грациана (375–383) и Феодосия I (379–395), а также высокопоставленным чиновником, занимавшим ответственные посты — от *magister memoriae* при Валенте (364–378) до префекта претория при Феодосии I. Евтропий принимал личное участие в неудачном персидском походе Юлиана Отступника. Стоит отметить, что, проявляя симпатии к язычеству и вместе с тем лояльно относясь к христианству, Евтропий не придавал большого значения проблеме борьбы христианства и язычества, считая намного более важной проблему сохранения Империи перед лицом внешних угроз²⁶.

В современной историографии акценты в изучении сочинения Евтропия сместились: оно перестало оцениваться как тривиальный повтор предшествующих текстов в сжатом виде. Несмотря на соответствующую жанру скупость деталей, исследователи выделяют в нем собственное видение автором истории, отражающее нарративную стратегию бревиариста. По мнению Д.В. Кареева, Евтропий предстает перед нами не как «бездумный» компилятор, переписывающий классические труды прошлого, но как вполне самостоятельно мыслящий историк, оригинально обрабатывающий свой материал, подвергающий его смысловой и структурной аранжировке. Если при описании событий Республики объединяющим повествование фактором являлся хронологический принцип изложения, то для императорской истории применен тематический принцип, при котором события группируются вокруг фигуры правителя, определяющего судьбу всего государства в целом.

Главным критерием при выборе Евтропием источников для «Бревиария» Д.В. Кареев считает жанровую специфику. Так, идею военного упорства римлян, политику, направленную на расширение государства, призваны проиллюстрировать соответствующие примеры из Тита Ливия, характер повествования которого наиболее полно отвечал и выбранному для первой части «Бревиария» жанру ан-

²⁴ О такой логике в византийских источниках см.: Шукуров Р.М. Земли и племена: византийская классификация тюрок // ВВ. 2010. Т. 69. С. 132–163 (здесь: С. 135–137).

²⁵ Gauville J.-L. *Abbreviated Histories: the Case of the Epitome de Caesaribus* (AD c. 395). Montreal, 2005. P. 88.

²⁶ Егоров А.Б. Императорская власть в «Бревиарии» Евтропия // Античное общество — IV: Власть и общество в античности. СПб., 2001. С. 175.

налов. Перемещение в центр истории отдельного героя диктует необходимость перехода к биографическому жанру и обращения к соответствующим источникам — труду Светония и «Императорской истории». Во второй части работы, посвященной империи, тема внешней политики, расширения территории государства отступает на второй план и становится одной из рубрик риторической схемы Евтропия, внимание которого концентрируется теперь на персоналиях правителей²⁷.

Таким образом, пропагандистская направленность «Бревиария» Евтропия выражается, в первую очередь, в противопоставлении императоров, оценка правления и личности которых дана через призму успехов в расширении границ государства и личных военных побед²⁸. Этот контраст особенно заметен, когда речь идет об одном и том же правителе²⁹.

Народы, противостоящие римлянам, поданы у Евтропия преимущественно через этнонимы или через категорию «варвары», причем в ряде случаев он указывает на них как на союзников и «друзей римского народа» (V.5, VII.10). При этом, говоря о персах, автор периодически называет их парфянами, что в целом характерно для «малых историков», как будто не заметивших политического переворота III в. в Парфии и смены династии³⁰, и может быть еще одним свидетельством формирующегося относительно целостного восприятия восточных народов. Как правило, контекст употребления позднеантичным автором собирательного термина «варвары» не имеет негативной оценочной нагрузки³¹. Это в какой-то степени отличается от предшествующей традиции выраженного противопоставления римлян с варварами и, вероятно, может быть связано с жанровой спецификой, краткостью текста, однако, учитывая, что «Бревиарий» в ряде случаев не лишен риторических фигур и эмоционально окрашенных эпитетов, такое собирательное обозначение инаковости без негативной коннотации отражает определенный отход от стереотипов. Не исключено, что подход Евтропия отражает начавшийся процесс размывания границ между варварами и римлянами, поскольку в современной историографии тезис о том, что варвары в IV в. были, скорее, маргиналами римского мира, чем представителями мира альтернативного, является уже общим местом³².

Отметим, что некоторое различие в оценке войн с западными и восточными народами (как и самих народов) в работе все же присутствует. Войны с германцами Евтропий называет жесточайшими (VI.17.1), как тяжелая обозначается война с маркоманнами (VIII.12.1) и т. д. Описывая же противостояние с персами, автор констатирует, что последние бывали разгромлены, употребляя, как правило, нейтральные фразы и акцентируя внимание на победах римлян, одержанных в

²⁷ Кареев Д.В. Позднеримская историография... С. 190–191.

²⁸ Егоров А.Б. Императорская власть... С. 176; Кареев Д.В. Взаимоотношения Рима... С. 79.

²⁹ К примеру, политика Галлиена именуется успешной, хорошей или пагубной в зависимости от приводимого контекста (IX.8).

³⁰ Кареев Д.В. Римско-персидские войны в интерпретации «малых» римских историков IV века // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 2 (68). Магнитогорск, 2020. С. 135–150 (здесь: С. 138).

³¹ Семичева Е.А. К вопросу о варварах в «Бревиарии» Евтропия // Ирсониона. Античный мир и его наследие. Вып. 4. Белгород, 2015. С. 154–158.

³² Garnsey P., Humfress C. The Evolution of the Late Antique World. Cambridge, 2001. P. 99.

ряде сражений, в нескольких сражениях, победоносных сражениях, с невероятным пылом и т. д. (VI.18.1, VII.5.1, IX.13.1).

Тем не менее, оба направления воспринимаются Евтропием как общее поле римской экспансии, стремления к главенству над всем миром: например, в одинаковом тоне он пишет об успехе войн против германцев и персов (IX.1–2), восстановителем Востока и Запада называет Аврелиана (IX.13), говорит о Постуме и Оденате как спасителях Рима, как на Западе, так и на Востоке (IX.11) и т. д. Следует отметить, что наряду с этнонимами персы/парфяне автор довольно часто употребляет собственно термин «Восток» не только как направление походов (IX.2, 18, 22), но и в обобщающем значении региона, который находился под властью римлян в различные периоды истории (X.2, 6, 12).

Вопрос идентификации личности другого бревиариста Руфа Феста остается дискуссионным в историографии, поскольку сама работа практически не содержит информации о нем. Интерпретируя довольно противоречивые данные средневековых рукописей, большинство исследователей предположительно соотносят автора «Бревиария» с упомянутым Аммианом Марцеллином, Либанием и Евнапием чиновником (*magister memoriae*), родившимся в Триденте и происходившим из низов общества. Он занимал должность при дворе императора Валента, который и считается заказчиком сочинения. Датировка работы колеблется между 369 и 372 гг.³³

Проблема идентификации религиозных взглядов бревиариста также порождает широкий спектр версий: В. ден Боер предлагает считать его христианином³⁴, однако остальные исследователи в основном склонны характеризовать его мировоззрение как языческое³⁵. Что касается его карьеры, то не исключается личное участие Феста в более ранних восточных кампаниях. Это, среди прочих факторов, могло бы объяснить его выбор в качестве автора бревиария — работы, предоставленной императору Валенту и ориентированной на восточное направление, а также сделать предположение, почему героями Феста, в первую очередь, являются те, кто был активен и успешен на Востоке³⁶.

В «Бревиарии» Феста присутствует несколько иное видение Востока, нежели у Евтропия. Представляя еще более сокращенную версию римской истории, этот текст целиком состоит из сведений справочного характера и фактически является брошюрой, а не книгой. Тем не менее, он интересен оригинальностью структуры, которая разграничивает процесс присоединения западных и восточных провинций. Это разделение отчетливо прослеживается в использовании хронологической системы представления регионов, завоеванных на протяжении каждого из трех основных периодов римской истории в третьем разделе, и в географическом принципе построения четвертого раздела, в котором Фест дает перечень, включающий каждую провинцию, дату и обстоятельства ее поглощения Римской империей. Географический принцип глав IV–IX акцентирован списком запад-

³³ См.: *Arnaud-Lindet M.-P.* Festus: Abrégé... P. 7–14; *Baldwin B.* Festus the Historian. P. 197–217; *Den Boer W.* Some Minor Roman Historians. P. 181–183; *Bonamente G.* Minor Latin Historians... P. 105, 114–115; *Cameron A.* The Breviarium... P. 305; The Breviarium of Festus. P. 3–9.

³⁴ *Den Boer W.* Some Minor Roman Historians. P. 179.

³⁵ См.: *Rohrbacher D.* The Historians... P. 57; *Капеев Д.В.* Руф Фест, римский историк IV века // Вестник Ивановского госуниверситета. 2009. Вып. 3. С. 21–25 (здесь: С. 21).

³⁶ См.: *Bonamente G.* Minor Latin Historians... P. 88; *Grote S.* Another Look... P. 720–721; *Raimondi M.* Il Breviarium... P. 201.

ных провинций, завершающим историю их присоединения к империи. Д. Рорбахер считает, что его возможной целью было подчеркнуть значимость римского могущества и завоеваний на Западе и переключить внимание читателя на необходимость войны на Востоке как логического и неизбежного результата роста римского влияния³⁷.

Значительная разница в структуре работ Феста и Евтропия породила целый ряд версий о ее причинах, поскольку она противоречит тезису о вторичности и отсутствии какой-либо оригинальности как вообще сокращенных историй, так и в частности текста Феста, а также его прямой зависимости от Евтропия³⁸.

Нам представляется важным еще раз подчеркнуть, что одна из обозначенных выше ключевых идей Д.В. Кареева о самостоятельности Евтропия в выборе источников, вполне применима и к работе Феста, который отбирал исходный материал, руководствуясь определенной позицией. Диктуемая жанром и, вероятно, заказом необходимость строгой селекции информационных блоков и их представления в сжатой форме, означает, что структурные особенности не являются случайными, а работают на цели автора, отражают его собственные взгляды не в меньшей степени, чем, к примеру, развернутые литературные экскурсы Аммиана Марцеллина.

Столь же важной нагрузкой обладают редкие эмоционально окрашенные эпитеты и характеристики, которые, даже если они имеют связь или прямо взяты из более ранних сочинений, также отражают избирательность брeвиариста и смысловые акценты его текста³⁹.

Большинство зарубежных исследователей отмечает структурное единство «Брeвиария» Феста, основанное на видении империи, эталоном предполагаемого территориального расширения которой является восстановление восточных границ. При этом, если М. Пичин, первым обративший внимание на особенности структуры текста, предположил в качестве причины стремление Феста подчеркнуть относительную легкость завоевания Средиземноморья в сравнении с Арменией и Месопотамией⁴⁰, то М. Раймонди, считая такое предположение неубедительным, предлагает фактически противоположную трактовку столь «поразительного» разграничения. По ее мнению, брeвиарист выстраивает свой текст, намеренно представляя Запад как «мятежников», а Восток как «друзей и союзников» Рима, что должно отражать как имперскую концепцию, так и патриотические идеи автора, связанные с восточным внешнеполитическим вектором⁴¹.

С. Грот считает несостоятельными существующие в историографии взгляды на «Брeвиарий» как всего лишь краткий исторический справочник или односторонний памфлет, и дает собственную интерпретацию целей Феста. Он отмечает, что если бы мы имели абсолютно убедительные доказательства того, что Фест был *magister memoriae* Валента, его «Брeвиарий» вообще было бы уместно считать аналитической запиской или сводкой, поскольку составление такого краткого до-

³⁷ *Rohrbacher D.* The Historians... P. 62.

³⁸ *Семичева Е.А.* К вопросу о структуре «Брeвиария» Феста // Научные ведомости БелГУ. 2019. Т. 46. № 2. С. 236–241.

³⁹ Например, удостоена полноценного риторического приема завоевательная политика на Востоке (XX): ... *Romanae reipublicae movit lacertos.*

⁴⁰ *Peachin M.* The Purpose... P. 158–161.

⁴¹ *Raimondi M.* Il Breviarium... P. 200–201.

кумента с упором на право, администрацию, правосудие и восточную внешнюю политику вполне могло входить в компетенцию *magister memoriae*⁴². Американский исследователь также признает одним из доминирующих признаков сочинения выраженный интерес Феста к Востоку, в частности к провинциям, за которые Рим боролся или вел переговоры с Парфией и Персией, приводя при этом показательную, на его взгляд, количественную разницу: описание различных территорий Востока занимает 90 строк, в отличие, к примеру, от 22, посвященных провинциям Галлии (X–XIV)⁴³. Отметим, что и содержательно, несмотря на сохраняющийся обобщенный характер текста, эта вторая часть сочинения значительно богаче деталями и информативнее.

В этой связи нам представляются важными не только объем посвященной восточным провинциям информации, но и оценка отношений с восточными народами, данная Фестом. Столь же показательны, например, что Евтропий, перечисляя изгнанных Митридатом из Вифинии, Пафлагонии и Каппадокии царей, называет их *amicī populi Romani*, скорее, в соответствии с традицией, фокусируя внимание на личности понтийского царя и его конфликте с сенатом (Eutr. V.5). Фест представляет этот сюжет несколько иначе: он также называет Полемена *amicus populi Romani*, указывая, что римляне укрепляли эту дружбу, восстанавливая его на престоле (Fest. XI.5). Кроме того, в этом фрагменте он смещает фокус с фигуры каппадокийского царя (Ариабарзана) с целью позитивной характеристики каппадокийцев в целом⁴⁴. Они, по его мнению, стремились к партнерству с Римом еще со времен Ариарата, всегда были для римлян *auxilia nostra* и поклонялись величию Рима (Fest. XI.3). Важны, кроме того, такие фразы Феста в отношении восточных народов, как, например: «Восхищаясь этим, персы признавали превосходство римлян не только в оружии, но и в нравах»⁴⁵. Автор упоминает, что парфяне первыми просили и получили дружбу с Римом (XV.2), указывает, что «благоговение перед римским именем было настолько велико, что персы первыми заговорили о мире»⁴⁶.

Описывая войны с персами, Фест, как правило, подчеркивает их успешность, используя эмоционально окрашенные эпитеты, причем строит логику этих внешнеполитических достижений в исторической ретроспективе. Так, характеризуя Септимия Севера, он одобрительно называет его самым энергичным императором, отмечая, что его завоевания на Востоке были не только успешными, но и быстрыми (XXI.2). Парфянский поход Антонина именует удачным, дела против персов важными, а успех огромным. Одно только приближение Константина напугало персов настолько, что они направили к императору делегацию просителей, обещающих подчиниться его приказам⁴⁷.

Поражения от персов представлены как постыдные: очевидно, что автор видит их причину в слабости, неопытности, или неудачливости императоров, а не в

⁴² Grote S. Another Look... P. 720.

⁴³ Ibid. P. 708.

⁴⁴ Подробнее об этом см.: Raimondi M. II Breviarium... P. 198–199.

⁴⁵ Fest. XXV.3: Pro qua admiratione Persae non modo armis, sed etiam moribus superiores esse Romanos confessi sunt.

⁴⁶ Fest. XXIX: ... tanta reverentia Romani nominis fuit, ut a Persis primus de pace sermo haberetur.

⁴⁷ Fest. XXVI: Sub cuius aduentu Babyloniae in tantum regna trepidarunt, ut supplex ad eum legatio Persarum adcurreret, facturos se imperata promitterent.

силе противника. Например, он пишет, что Юлиан, будучи удачлив против внешних врагов, не принял должных мер против Персии⁴⁸.

При этом довольно подробные (особенно в сравнении с первой, посвященной западным провинциям, частью) описания неудачных столкновений Рима с восточным противником представлены таким образом, что призваны не столько предупредить об опасности, сколько укрепить понимание того, что, несмотря на эти периодические неудачи, положение Рима на Востоке неизменно восстанавливалось.

В противовес сказанному, войны с галлами Фест называет самыми тяжелыми (*gravissima bella*: VI.1) и, при всей сухости изложения, подчеркивает жестокость фракийцев эпитетами «ужаснейшие» (*saevissimi*), «равно жестокие и коварные» (*pariter crudele et callidum*: IX.1–2), явно контрастирующими с теми, которые применялись им при описании восточных народов.

Очевидную восточную направленность Феста, как отмечает Г. Келли, отражают также три прямых обращения к императору Валенту, содержащиеся в тексте (X, XV, XXX)⁴⁹. Каждое из них настойчиво привлекает внимание Валента к восточному направлению, а в одном, предваряющем главы X–XIV, автор прямо использует обобщающие, собирательные термины «восточные края» и собственно «Восток»⁵⁰.

С. Грот также считает, что данные пассажи демонстрируют стремление Феста к значимому для целей автора развернутому анализу конфликтов Рима с Парфией и Персией. Исследователь приходит к выводу, что автор во главу угла ставит правовой аспект римского владычества и справедливость в установлении границ при захватах восточных территорий и последующем управлении ими⁵¹. Именно к восстановлению такой справедливости и призывает «Бревиарий».

Таким образом, данные бревиариев IV в. позволяют выявить определенные изменения в изображении восточных народов и провинций. С одной стороны, в них сохраняется присущее предшествующей традиции разграничение «своей-чужой», «римлянин-варвар». С другой стороны, уровень негативной коннотации снижается, формируется собирательный образ восточного противника, противостояние которому может и должно быть успешным, и который довольно часто превращается в друга и союзника, особенно в сравнении с новым, незнакомым ранее и более чуждым неприятелем.

Несмотря на единство жанра и читательской аудитории, общий круг источников, прямые текстуальные параллели и идеологическую направленность двух бревиариев, следует отметить, что если в тексте Евтропия более выражена социальная и биографическая доминанта, оценка персоналий, то в бревиарии Феста структура строится вокруг дихотомии «Запад-Восток». При этом важны не столько собственно этногеографические позиции и их точность, сколько особенное восприятие восточных народов и Востока в целом. Тенденциозность текстов, определяющая критическое отношение исследователей к части содержащейся в

⁴⁸ Fest. XXVIII: Iuliano in externos hostes expertae felicitatis principi aduersum Persas modus defuit.

⁴⁹ Kelly G. The Roman World... P. 81.

⁵⁰ Fest. X.1: Nunc Eoas partes totumque Orientem ac positas sub uicino sole prouincias, qui auctores sceptris tuis parauerint, explicabo, quo studium clementiae tuae, quod in isdem propagandis habes, amplius incitetur.

⁵¹ Grote S. Another Look... P. 707.

них фактической информации, является преимуществом с точки зрения выявления идеологических конструктов.

«Провосточный» дискурс Феста соответствует цели бревиариста и призван, с одной стороны, сформировать необходимое официальному двору представление о Востоке и взаимоотношениях с ним в исторической ретроспективе, а также подготовить общественное мнение в отношении оправданности восточной кампании Валента. С другой стороны, наряду с пропагандистской направленностью, текст демонстрирует попытку взвешенного анализа восточного направления внешней политики, предполагающего необходимость оценки рисков чрезмерных экспансионистских устремлений и перспективы дальнейшего урегулирования отношений, опирающегося на позитивный опыт прошлого. В целом же можно сделать предположение, что эти взгляды отражают растущее самосознание формирующихся правящих кругов восточной части Римской империи, что уже в краткой исторической перспективе привело к ее фактическому государственно-административному обособлению от Запада.

References

- Arnaud-Lindet, M.-P. *Festus: Abrégé des hauts faits du peuple romain*. Paris, 1994.
- Arpent'eva, M.R. "Allologicheskii podhod v ponimanii diskursa i problema ponimania drugogo yazyka [The Allological Approach in the Study of Discourse and the Problem of Understanding in the Study of Another Language]." In *Akademicheskii diskurs I diskursnyi podhod v prepodavanii inostrannyh yazykov*. Minsk, 2015. P. 11–15 (in Russian).
- Baldwin, B. "Festus the Historian." *Historia* 27 (1978). P. 197–217.
- Bird, H.W. "Eutropius and Festus: Some Reflections on the Empire and Imperial Policy in A.D. 369/370." *Florilegium* 8 (1986). P. 11–22.
- Bird, H.W. "Eutropius: His Life and Career." *Échos du Monde Classique* 32 (1988). P. 51–66.
- Bird, H.W. "Eutropius' Perspective on Roman Emperors." *The Ancient History Bulletin* 6 (1987). P. 139–151.
- Bird, H.W. *Eutropius: Breviarium ab Urbe Condita*. Liverpool, 1992.
- Blockley, R.C. "Festus' Source on Julian's Persian Expedition." *Classical Philology* 68/1 (1973). P. 54–55.
- Bonamente, G. "Minor Latin Historians of the Fourth Century A.D." In *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A.D.* Leiden, Boston, 2003. P. 88–125.
- Burgersdijk, D. "Creating the Enemy: Ammianus Marcellinus' Double Digression on Huns and Alans (Res Gestae 31.2)." *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 59 (2016). P. 111–132.
- Burgess, R.W. "A Common Source for Jerome, Eutropius, Festus, Ammianus, and the Epitome de Caesaribus between 358 and 378, along with Further Thoughts on the Date and Nature of the *Kaisergeschichte*." *Classical philology* 100 (2005). P. 166–192.
- Burgess, R.W. "Eutropius V.C. 'Magister Memoriae?'" *Classical Philology* 96/1 (2001). P. 76–81.
- Cameron, A. "The Breviarium of Festus." *Classical Review* 19 (1969). P. 305–307.
- Collins, F. "Eutropius and the Dynastic Name Eumenos of the Pergamene Pretender Aristonicus." *The Ancient World* 4 (1981). P. 39–43.
- Den Boer, W. *Some Minor Roman Historians*. Leiden, 1972.

- Dmitriev, V.A. "Countries and peoples of the Orient in the representations of Romans of the epoch of Late Antiquity." In *V mire nauchnykh otkrytij. Seriya "Gumanitarnye i obshchestvennye nauki"* 11.5 (23) (2011). P. 1343–1357 (in Russian).
- Eadie, J.W., ed. *The Breviarium of Festus. A Critical Edition with Historical Commentary*. London, 1967.
- Egorov, A.B. "Imperatorskaya vlast' v 'Breviarii' Evtropiya [Imperial Power in the *Breviarium* of Eutropius]." In *Antichnoye obschestvo — IV: Vlast I obschestvo v antichnosti*. St. Petersburg, 2001. P. 173–181 (in Russian).
- Garnsey, P., and Humfress, C. *The Evolution of the Late Antique World*. Cambridge, 2001.
- Gauville, J.-L. *Abbreviated Histories: The Case of the Epitome de Caesaribus (AD c. 395)*. Montreal, 2005.
- Grote, S. "Another Look at the Breviarium of Festus." *The Classical Quarterly* 61/2 (2011). P. 704–721.
- Kareev, D.V. "Roman-Persian Wars in the Interpretation of 'Small' Roman Historians of the 4th Century AD." *Problemy istorii, filologii, kultury* 2 (2020). P. 135–150 (in Russian).
- Kareev, D.V. "Ruf Fest, rimskiy istorik IV veka [Rufus Festus, Roman Historian of the 4th Century AD]." *Vestnik Ivanovskogo Gosudarstvennogo universiteta* 3 (2009). P. 21–25 (in Russian).
- Kareev, D.V. "Vzaimootnosheniya Rima i Parfii v interpretatsii 'malyh' rimskikh istorikov IV veka [The Relationship between Rome and Parthia as interpreted by Minor Roman Historians of the 4th Century AD]." *Vestnik Ivanovskogo Gosudarstvennogo universiteta* 3 (2008). P. 74–80 (in Russian).
- Kareev, D.V. *Pozdnerimskaya istoriografiya pered vyzovom vremeni: Evtropiy i ego "Breviariy ot osnovaniya goroda" [Late Roman Historiography Challenged by Time: Eutropius and His 'Breviarium ab urbe condita']*. St. Petersburg, 2004 (in Russian).
- Kelly, G. "The Roman World of Festus' Breviarium." In *Unclassical traditions*. Vol. 1. Cambridge, 2003. P. 72–91.
- Momigliano, A. *The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century*. Oxford, 1963.
- Mouchová, B. "Das Breviarium des Festus und seine Adressaten." *Graeco-Latina Brunensia* 14 (2009). P. 143–156.
- Peachin, M. "The Purpose of Festus' Breviary." *Mnemosyne* 3 (1985). P. 158–161.
- Petrishina, E.Y., and Antonova, Y.V. "Experimentalnoye issledovanie kontseptov Vostok i Zapad [Experimental Study of the Concepts of East and West]." *Voенно-gumanitarnyi almanah. Seriya "Lingvistika"* 2/1 (2016). P. 431–439 (in Russian).
- Raimondi, M. "Il Breviarium di Festo e il funzionariato cappadoce alla corte di Valente." *Historia* 55/2 (2006). P. 191–206.
- Rohrbacher, D. *The Historians of Late Antiquity*. Routledge, 2002.
- Santini, C., ed. *Eutropii Breviarium ab Urbe condita*. Stuttgart, 1992.
- Semicheva, E.A. "Breviarium of Festus in the Foreign and Russian Historiography." *Nauchnye vedomosti BelGU* 15 (236) (2016). P. 35–40 (in Russian).
- Semicheva, E.A. "On the Issue of the Structure of Festus' Breviaryum." *Nauchnye vedomosti BelGU* 46/2 (2019). P. 236–241 (in Russian).
- Semicheva, E.A. "On the Issue of the Barbarian in Eutropius' Breviaryum." In *Iresiona. Antichnyi mir i ego nasledie*, ed. by N.N. Bolgov. Belgorod, 2015. P. 154–158 (in Russian).
- Shukurov, R.M. "Zemli i plemena: vizantiyskaya klassifikatsiya t'urok [Lands and Tribes: Byzantine Classification of the Turks]." *Vizantiiskii vremennik* 69 (2010). P. 132–163 (in Russian).
- Shukurov, R.M., ed. *Chuzhoe: opyt preodoleniya. Ocherki is istorii kultury Sredizemnomor'ya. [Alien. Experiences of Overcoming. Essays on the History of Mediterranean Culture]*. Moscow, 1999 (in Russian).

- Sobolevskiy, S.I., and Grabar-Passek, M.E., and Petrovskii F.A., eds. *Istoriya rimskoy literatury* [*History of the Roman Literature*]. Vol. 2. Moscow, 1962 (in Russian).
- Syme, R. *Ammianus and the Historia Augusta*. Oxford, 1968.
- Ukolova, V.I. *Pozdnyi Rim: pyat portretov* [*Late Rome: Five Portraits*]. Moscow, 1992 (in Russian).